
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

РУССКИЕ ЯГОДЫ

РУССКИЕ ЯГОДЫ

В сухих местах созреет земляника,
Поспеет и осыплется малина,
Появятся брусника, голубика
И на болоте крупная черника...
И вот лесная сказка и былина!

Что ж о себе поведает морошка?
Жена певца, чье имя сердцу мило,
Ее на блюде принесла немножко
И с ложечки любовно покормила.

Все домыслы напрасны пред загадкой
Предсмертного такого угощенья.
Все сказано отрадой кисло-сладкой
Забвенья, жажды, горя и прощенья.

* * *

Пошатываясь на ветру,
Бессильно падали, вставали,
И все приметы предвещали,
Что неродившийся умру.

Рожденный волею судеб,
Я вижу силою наитья:
Без чая длятся чаепитья,
И мать на дольки режет хлеб.

И что спасло? Ответа нет.
Быть может, бабкины иконы?
Какой-то связью силиконной
Ко мне течет их тусклый свет.

Михаил Синельников родился в 1946 году в Ленинграде. Живет в Москве. Автор 37 поэтических сборников, сотен статей о поэзии, переводчик классической и современной поэзии Востока, составитель многих хрестоматий и антологических сборников. Стихи переведены на многие языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии и Турции. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат премии Бунина, премии Дельвига, премии Арсения и Андрея Тарковских, Государственной премии Таджикистана имени Рудаки и многих других отечественных и зарубежных премий.

* * *

Жизнь от родителей, голодом омоложенных,
Перенесенная с севера в глиняный рай.
Душные сетки чернели повсюду на женах.
Возраст неясен — попробуй его угадай!

В этой твоей предначертанной или случайной
Пыльной дороге, как долго по ней ни кружи,
Средняя Азия так и останется тайной,
Зоркой неволей и голосом из паранджи.

* * *

Премудры, хоть по виду жалки,
Крикливы, смуглы и пестры,
Бежали за тобой гадалки,
Как разноцветные миры.

Все о тебе, конечно, знали
В твои ненастливые дни.
Вещал оракул в грязной шали,
Твоей касаясь пятерни.

Металось пламя на ладони,
Твои в нем грезы без пути
Неслись, как таборные кони,
А слышалось: «Позолоти!»

Ты отвечал на эту мантру,
Но знал, что некогда во сне
Мать увидела саламандру,
И не сгораешь ты в огне.

ИСТОРИОСОФИЯ

Там кто-то говорил о мертвом Брюгге...
Уже не счесть борцов за шариат,
Стреляют на востоке и на юге,
Париж и Лондон флагами пестрят.

Европа, утонувшая в айфоне,
Живущая с оглядкой на Китай,
Сомкнувшая свой строй при Марафоне,
Теперь пройди, рассейся, улетай!

Наверное, прервутся эти войны,
И густо расселившийся народ
Среди имен, что памяти достойны,
Пусть первым имя «Шпенглер» назовет!

И может быть, ты слышишь, Чаадаев,
Колокола в монастыре Донском,
Чей медный говор, медленно истаяв,
К тебе доходит зыбким голоском.

БУЛОЧНАЯ

Возле булочной этой старинной
Всякий раз возвращаешься к были:
Здесь когда-то ночные витрины
Кирпичами работницы били.

Занимавшие очередь хмуро,
Поминавшие власти сердито,
Не знававшие вкуса птифура,
Не едавшие даже бисквита.

Но тогда из-за черствости хлеба
Вздрогнул город Петров озаренно,
Сотряслось прибалтийское небо,
Раскололась на камне корона.

Знать бы им, сокрушающим своды,
Что в начавшейся неразберихе
Прорастают пайковые годы
И недели мечтаний о жмыхе.

Но текла под напором стихии,
Жар слиянья с народом изведав,
Злая ненависть к буржуазии,
Бушевавшая в душах поэтов.

* * *

Продолжились наутро те же будни —
Теперь без демонстраций и костров.
Уже часа в четыре пополудни
Освободили пленных юнкеров.

В дом юная вернулась поэтеска,
Читавшая поэзы юнкерам.
«Как, ночь вне дома! — ей сказали резко. —
Чтоб впредь такой не повторялся срам!»

Вновь испекли в кондитерских эклеры,
Вновь очередь за хлебом выросла.
Погоны снимали офицеры,
И не было гуляющим числа.

В тот день — землей прельстившийся и миром,
В шинелях и бушлатах шел народ
К багряным зорям, но глубоким виром
Стал этих толп густой круговорот.

...Шагали с трехлинейками двенадцать,
Устав искать невидимую цель,
Прохожих окликать, курками клацать.
Все удалялся Иисус в метель.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Холодный Север. Все в его пределах
Завяла дневная полутьма.
Строй бревен древних и окостенелых —
Пустые, устоявшие дома.

Вдруг небо, засверкав, запылало,
В огне перемешались времена,
Как будто бы горящая валхалла
Для всех усопших душ отворена.

Почудилось, что пламенную руну,
Вбирающую судьбы и цвета,
Неколебимый Один шлет Перуну
Перед вторым пришествием Христа.

КА И БА

В прапамяти пески и пирамиды,
Широкий Нил, пустыни тяжкий зной,
Коварство Сета, горький плач Исиды,
Осирис, воскрешаемый весной.

Пройдут богами насланные хвори,
Наступит день свободы для раба,
Но в этом теле, как всегда, в раздоре
Египетские души — Ка и Ба.

Одна из них живет, не умирая,
В папирусе тобой поселена,
А что творит душа твоя вторая,
Об этом не расскажут письма.